

Редакционная коллегия:

В. К. Михеев (гл. редактор), проф., д-р ист. наук
А. И. Айбабин, д-р ист. наук
В. С. Аксёнов, канд. ист. наук
О. Б. Бубенок, канд. ист. наук
И. С. Винокур, проф., д-р ист. наук
В. В. Михеева (отв. секретарь), ст. науч. сотр., канд. ист. наук
В. Я. Петрухин, проф., д-р ист. наук
В. Г. Пикалов, ст. науч. сотр.
О. М. Приходнюк, ведущ. науч. сотр., д-р ист. наук
О. В. Сухобоков, ведущ. науч. сотр., д-р ист. наук
А. А. Тортика (зам. гл. редактора), ст. науч. сотр., канд. ист. наук

Адрес редколлегии: 61058 Украина, г. Харьков, ул. Б. Чичибабина, 11.

Тел./факс: (8-0572) 47-10-52.

E-mail: vitmich@ukr.net

Все статьи альманаха публикуются в авторской редакции с незначительной редакторской правкой.

Хазарский альманах / Редкол.: В. К. Михеев (гл. ред.), А. И. Айбабин,
X15 В. С. Аксёнов и др.— Харьков: Каравелла, 2002.— Т. 1.— 228 с.
ISBN 966-8019-24-5.

Выход в свет первого тома периодического ежегодного издания — «Хазарского альманаха» приурочен 100-летию юбилею XII Всероссийского археологического съезда, проходившего в Харькове 15—27 августа 1902 г.

ББК 63.3(2)41

*На обложке —
изображение логотипа Международного центра хазароведения
Восточноукраинского филиала Международного Соломонова университета*

В. С. Аксёнов

Харьков

Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка

Деревянные конструкции в грунтовых захоронениях салтовской культуры — явление нередкое, но изучены они плохо, за исключением тех, которые имели место на Волоконовском могильнике в Белгородской области Российской Федерации [Николаенко, Плетнева 1976]. Большое количество таких конструкций представляет для рассмотрения и анализа грунтовой биритуальный могильник Красная Горка, расположенный на правом берегу р. Северский Донец у одноименного села в Балаклейском районе Харьковской области [Михеев 1990]. В результате многолетних раскопок, проводимых Средневековой археологической экспедицией Харьковского госуниверситета (1984—1994 гг.) под руководством В. К. Михеева, на этом памятнике обнаружено и исследовано 310 захоронений: 189 трупоположений и 121 трупосожжение. 62 % грунтовых могил имели деревянные конструкции того или иного типа, а в 17 % погребений можно лишь констатировать наличие остатков дерева без возможности определить первоначальный вид конструкции.

Простейшими видами деревянных сооружений являются подстилки из коры дерева по дну могильной ямы (погр. № 36, 87) (рис. 1, 2), и, вероятно, из продольно уложенных досок (погр. № 202, 300) (рис. 1, 3). Плохая сохранность последних не позволила проследить конструкцию в целом, но наличие фрагментов досок на дне могильных ям фиксировалось достаточно четко. Вполне возможно, что в этом случае имело место не покрытие дна могильных ям досками, а использование их для перекрытия ям. Так как оба захоронения с предполагаемым дощатым дном могильных ям являлись детскими, а костяки имели очень плохую сохранность, то вполне возможно, что провалившееся внутрь могильной ямы деревянное перекрытие было принято за покрытие дна. В погр. № 140 простая грунтовая яма в действительности была перекрыта деревянной крышкой. Так как могильная яма была вырыта в черноземе, ее конструкцию не удалось проследить в полном объеме. Возможно, что в данном случае имели место заплечики, как это удалось выявить в могильных ямах следующей группы захоронений.

В шести захоронениях деревянные крышки покоились на земляных заплечиках могильных ям. Ширина заплечиков колебалась от 5 до 50 см, а высота от дна могильной ямы — от 20 до 30 см. В четырех случаях (погр. № 31, 90, 91, 95) заплечиками были снабжены торцевые стенки могильных ям, они и служили опорой для продольных досок, перекрывавших погребения (рис. 1, 4). В погребениях № 41, 89 заплечики были сделаны вдоль продольных стенок могильных ям, на которых находились поперечные плахи деревянного перекрытия (рис. 2, 8).

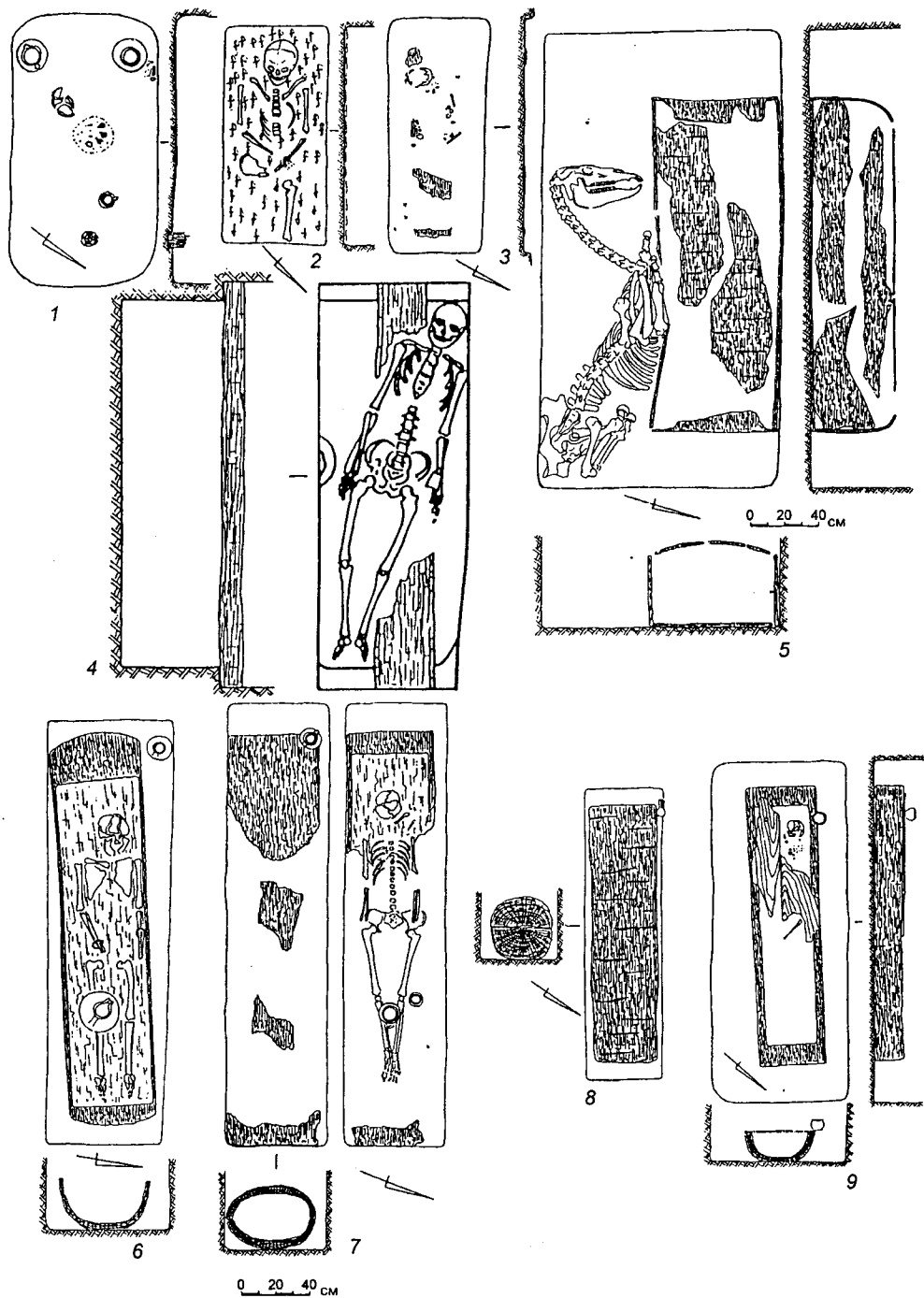

Рис. 1. Захоронения могильника Красная Горка: 1 — погр. № 158, 2 — погр. № 87, 3 — погр. № 300, 4 — погр. № 95, 5 — погр. № 245/к-17, 6 — погр. № 62, 7 — погр. № 143, 8 — погр. № 257, 9 — погр. № 170.

Еще в пяти захоронениях (№ 119, 256, 278, 283, 309) заплечики фиксировались по всему периметру могильных ям. По сути, данные захоронения были произведены в грунтовых могильных ямах, на дне которых специально вырыты углубления для тел покойников (рис. 2, 7). Заплечики не выполняли роль опоры для перекрытия могилы, за исключением погр. № 90 (рис. 2, 9). Внутри и этого, и остальных погребений, имеющих в дне могильных ям углубления для тел покойников, были зафиксированы остатки деревянных гробов-рам и гробов-ящиков, зачастую с крышкой из продольно уложенных деревянных плах.

Такие же гробы были обнаружены и в погребениях, произведенных в простых грунтовых ямах. Простейшим типом гробов в данном случае являются гробы-рамы. Для их изготовления использовались плахи или доски толщиной от 1 до 12 см. Длина гробов-рам зависела от роста умершего человека и колебалась от 80 до 220 см. Ширина гробов-рам различна — от 27 до 65 см, в 9 захоронениях отмечена разница в ширине в головном и ножном концах гроба. В этих случаях головной конец гроба-рамы шире ножного на 2—10 см. Высота гробов-рам составляла от 10 до 50 см. В основном гробы-рамы имели прямоугольную форму и состояли из четырех досок, составленных так, что торцевые доски распирали продольные, поддерживая их в вертикальном положении (рис. 2, 4). Иногда продольные боковые доски втиснуты между торцевыми, не давая им упасть (рис. 2, 9). В любом из случаев доски гробов-рам были плотно прижаты к стенкам могильной ямы, являясь по сути дела деревянной обкладкой земляных стенок могильной ямы у самого ее дна. Конструктивной особенностью гробов-рам является зачастую отсутствие крышки и дна. Однако в некоторых случаях роль крышки, вероятно, мог выполнять какой-то другой материал — ткань, войлок и т.п., который не сохранился. Дном же в таком случае мог служить слой древесного угля (рис. 2, 4) или слой древесной коры (рис. 2, 5).

Крышка и дно являются характерными особенностями другого типа деревянных конструкций — гробов-ящиков. Гробы-ящики — один из наиболее часто встречающихся типов деревянных конструкций для могильника Красная Горка. Они обнаружены в 23 % труположений могильника. Их конструкция ничем не отличается от гробов-рам. Толщина торцевых стенок гробов-ящиков больше боковых и колеблется от 1 до 12 см, а боковых стенок не превышает 3—4 см. Длина гробов-ящиков немного больше длины гробов-рам и составляет 105—230 см. Ширина гробов-ящиков составляет 30—70 см. Так же как и у гробов-рам, иногда фиксируется разница между шириной в ножном и головном краях гробов-ящиков, но она редко достигает 10 см. Высота гробов-ящиков — 14—45 см. Дном и крышкой гробов-ящиков служили продольно уложенные доски или плахи толщиной 1—2 см, в некоторых случаях их толщина достигала 6 см (рис. 2, 1—3). Иногда дном гробов-ящиков служили не доски, а слой древесной коры (погр. № 28, 33, 54, 68, 88, 157) или древесного угля (погр. № 8, 17, 97). В погребении № 245/к-17 торцевые стенки и крышка гроба-ящика были сделаны из коры дерева (рис. 1, 5). Крышки и дно у гробов-ящиков плоские. Интересен гроб из погр. № 231, где он был перекрыт сегментовидной в разрезе деревянной крышкой. Его дном служил слой древесной коры, уложенный в незначительное углубление, сделанное под телом погребенного человека (рис. 2, 6). Гробы-ящики, как и гробы-рамы в тех случаях, когда их размеры совпадали с размерами могильных ям, собирались, по-видимому, непосредственно в могильных ямах и являлись, по существу, обкладками их стенок (рис. 2, 7).

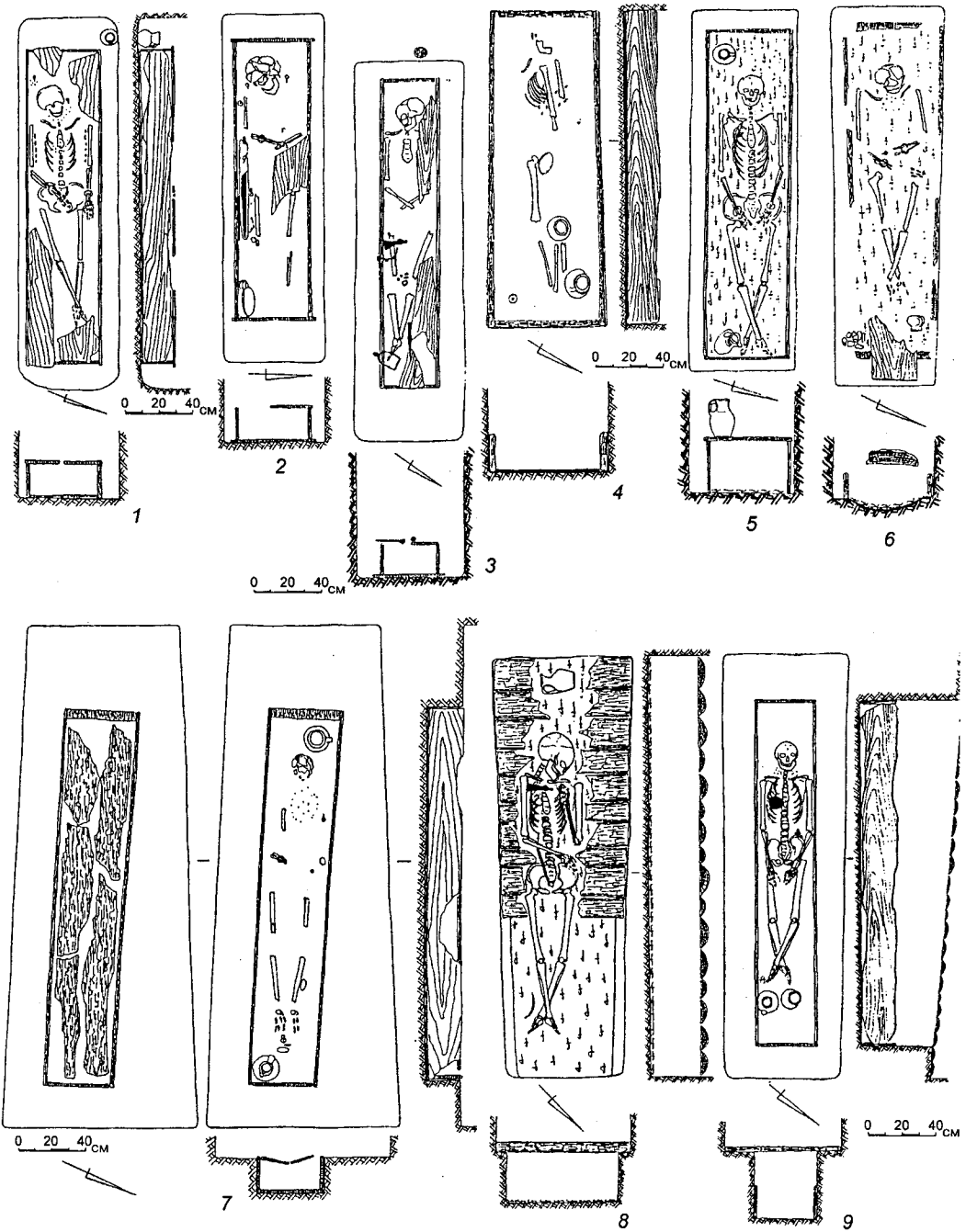

Рис. 2. Захоронения могильника Красная Горка: 1 — погр. № 298, 2 — погр. № 207, 3 — погр. № 199, 4 — погр. № 97, 5 — погр. № 68, 6 — погр. № 54, 7 — погр. № 278, 8 — погр. № 89, 9 — погр. № 90.

В тех же случаях, когда размеры могильных ям превышали размеры гробов-ящиков (погр. № 110, 119, 150/к-13, 219/к-20, 256, 261, 264/к-24, 278, 283, 298, 309), последние опускались в могилу в уже собранном состоянии (Рис. 1, 5; 2, 1—3). Так как в данных захоронениях отсутствуют металлические гвозди и скобы, то следует предположить использование при сборке гробов деревянных гвоздей или различных шиповых соединений. При сборке гробов-ящиков в середине могильных ям больших размеров, чем сами гробы, необходимо было бы, для придания деревянной конструкции устойчивости, одновременно засыпать образовавшееся свободное пространство между стенками гроба-ящика и могильной ямы землей. Однако таким действиям противоречит размещение в погр. № 150/к-13, 219/к-20, 264/к-24 сбоку от гроба-ящика конского костяка, лежащего на одном уровне с дном гроба и приваленного к одной из его продольных стенок (рис. 1, 5), а в других захоронениях (погр. № 110, 261, 298) нахождение на дне могильных ям за пределами гробов-ящиков сосудов с жертвенной пищей (рис. 2, 1). Косвенным подтверждением этому может служить факт аналогичного расположения сосудов с жертвенной пищей в могилах, содержащих гробы-колоды (рис. 1, 6).

Гробы-колоды были сделаны из расщепленного на две части ствола дерева, в которых потом выдалбливались корытообразные углубления для тел умерших людей. Таких гробов-колод на могильнике найдено 12. Они могут быть разделены на два вида — одно- и двусоставные. У двусоставных гробов-колод крышкой и дном служили две половины одного и того же ствола дерева (погр. № 142, 143, 226) (рис. 1, 7, 8). В односоставных гробах-колодах покойники были уложены в одну из половинок ствола дерева, крышкой же служили продольно уложенные доски (погр. № 191) (рис. 1, 9) или древесная кора (погр. № 62) (рис. 1, 6). Длина гробов-колод зависела от роста усопших и колебалась от 50 до 244 см. Ширина гробов-колод — 30—60 см. Высота двусоставных гробов-колод составляла до 45—50 см, односоставных — до 30 см. Толщина продольных стенок, дна, крышки достигала 5 см, тогда как толщина торцевых стенок колебалась от 12 до 20 см.

Редкой находкой являются остатки деревянных столбиков, вероятно, каких-то опознавательных знаков над могилами. Так, в погр. № 164 деревянный столбик диаметром 10 см, вкопанный в дно могильной ямы, был обнаружен в восточном ее краю (рис. 1, 1), а в погр. № 199 столбик диаметром 7 см в вертикальном положении располагался в 15 см от головного края гроба-ящика, за пределами могильной ямы (рис. 2, 3). По-видимому, эти остатки деревянных столбиков свидетельствуют о древнем обычае помечать могилу родственника, что свойственно многим народам. В частности, чуваши, чтобы отличить могилу своего родственника, ставили на ней столб в рост умершего и вырезали на нем какие-либо знаки [Вышеславцев 1889, 275].

Несмотря на различия в построении деревянных конструкций, все они представляют собой одну составляющую погребального обряда — погребальное сооружение, связанное с могилой в целом. Могильная яма, являясь последним пристанищем умершего, его материальных останков, олицетворяла собой новое жилище погребенного, вне зависимости от его этнической принадлежности. Так, Ахмед Ибн-Даст говорит об этом достаточно ясно, описывая похороны знатного русса: «Выкапывают ему могилу в виде большого дома...» [Хвольсон 1889, 40]. Погребальные конструкции во всех традиционных культурах представляют собой модель космоса, а их сооружение приравнивается к повторению космогони-

ческого акта и описанию загробного путешествия [Петрухин 1979, 13]. Сооружение могилы было равносильно постройке дома, который повторял структуру Вселенной, и это олицетворение было тесно связано с могильным сооружением [Традиционные мировоззрения... 1987, 61]. Переосмысление гроба как нового жилища для умершего подтверждается этнографическими материалами. Так, чуваша рисовали на крышке дома дверь [Каховский 1984, 124]. Кеты, опуская покойного на доски, положенные на дно могилы и обкладывая такими же досками умершего со всех сторон, говорили: «Это твой чум будет» [Долгих 1961, 103]. Аналогичные обряды наблюдаются в обрядовой лексике славян. Так, зафиксированы обращение к гробовщику: «Та поможете построить моему батькові нову хату, не схотів у старій жить» и характеристика гроба в загадках: «Домок в шесть досок» [Седакова 1983, 208—209].

Поэтому изучение деревянных сооружений могильника Красная Горка, по-видимому, даст возможность составить представление о реальных жилых сооружениях и способах домостроительства населения, оставившего данный могильник. Особенно в этом плане показательны могильные ямы с деревянными перекрытиями, а также содержащие гробы-рамы и гробы-ящики. Все вышесказанное позволяет предположить существование у данного населения жилых сооружений как в виде землянок или полуземлянок, земляные стены которых были обшиты облицовкой из деревянных досок или плах, так и в виде наземных сооружений из дерева. При этом при строительстве не применялись металлические соединительные элементы — гвозди, скобы. Пол таких жилых сооружений мог быть как просто земляным (как в могилах с гробами-рамами), так и с настилом из деревянных досок, плах (как в могилах с гробами-ящиками). Судя по перекрытию сооружений (деревянные крышки гробов, деревянные плахи на заплечиках, древесная кора над погребенными), крыши жилых домов, по-видимому, также сооружались из того же материала. Конструктивные элементы крыш жилых сооружений могли опираться как на стены (гробы-ящики и гробы-рамы), так и на стенки земляных котлованов землянок или полуземлянок (перекрытия могильных ям с заплечиками).

Понимание загробного мира как путешествия по воде привело к тому, что могильники всегда привязывались к воде, а умершие снабжались необходимыми предметами для преодоления водного пространства, как условной границы миров [Савельева 1986, 81]. Для скорейшего преодоления этой границы и путешествия по загробному миру были предназначены гробы-колоды, роль которых выполняли также лодки-долбенки или лады [Анучин 1880, 176]. Но вместе с этим погребения в гробах-колодах следует рассматривать как трансформацию обряда погребения на дереве, а точнее, в самом дереве. На двоякую суть этого факта указывает Г. Н. Грачева: «Представления о дереве-лодке и о дереве для умершего, вероятно, были различны и только позже могли совместиться в названии гроба» [Грачева 1972, 43]. В основе этого лежит понимание каждого дерева как частицы мирового дерева, отождествляемого в тюркской мифологии с рекой. Захоронение на дереве соответствовало отправлению умершего вниз по реке [Традиционное мировоззрение... 1987, 75]. Захоронение на дереве является одним из наиболее древних способов погребения. Такие архаичные захоронения характерны для детских погребений многих народов [Долгих 1961, 105]. Перекликаются с этим обрядом погребения в гробах-колодах на могильнике Красная Горка. Из 12 погребений в гробах-колодах шесть принадлежат детям (погр. № 74, 142, 170, 192, 226,

257). Такая зависимость обусловлена не только архаичностью обряда, но и архаичностью процесса изготовления долбленых колод.

Как показали исследования А. И. Семенова, для изготовления гробов население, оставившее могильник Красная Горка, использовало дерево только одной породы — дуб. При этом использовалась древесина ствола взрослого дерева. Удалось проследить от 9 до 23 годичных слоев толщиной 1,0—2,0 мм. Для изготовления других предметов применялись другие породы деревьев: тополь (ножны ножей, сабель), ива (футляр для кремня), ольха (колчан), липа и береза (древки стрел), что было обусловлено чисто технологическими требованиями к данным вещам.

Вероятно, применение дуба при изготовлении гробов различной конструкции было связано и со свойствами его древесины. Древесина дуба обладает достаточно значительной прочностью и вязкостью, а изготовление из нее досок и плах для гробов и перекрытий могильных ям требует определенных навыков, и оно было достаточно трудоемким. Затраты значительных усилий при этом, по-видимому, были обусловлены стремлением использовать качества данной породы дерева для более надежной изоляции покойника от мира живых. Предмет, в данном случае деревянное сооружение, приобретал магические свойства в силу перенесения на него закона подобия свойств материала, из которого он изготавливался. Это показательно, ибо население, оставившее могильник Красная Горка, боялось своих покойников, на что указывает присутствие на могильнике черт обряда обезвреживания покойников в различных его проявлениях (связывание ног, преднамеренное разрушение грудной клетки, полное разрушение костяков, отделение черепа). Обряд обезвреживания погребенных прослеживается практически на всех известных праболгарских могильниках Подонья [Флеров 1989].

Исследования А. И. Семенова показали также, что все фрагменты древесного угля из сожжений и из засыпок ингумационных погребений могильника Красная Горка принадлежали дубу. В этом контексте интересен факт параллельности огня и дуба (дерева вообще), отмеченный у многих народов [Невская 1980, 254]. Дерево как таковое было олицетворением огненной стихии, посредством которой осуществлялось сообщение между миром людей и миром богов [Антропова 1976, 265]. У тюркоязычных народов дерево, семантически связанное с жилищем, было непосредственно адекватно очагу. Под деревом подразумевалась не только пища огня, но и сам огонь — его хозяйка, космическая вертикаль, богиня-мать [Традиционные мировоззрения... 1987, 59].

Погребальные сооружения в соответствии с представлениями о существовании загробной жизни отражали стремление живых сохранить умершего, устроить его по возможности так же, как при жизни, но в то же время отделить его от живых [Грачева 1972, 39]. Обеспечивая связь с жилищем, мировым деревом, огнем и водой, дерево (в данном случае дуб) имело необходимую прочность для ограждения умершего от мира живых, ритуального «замыкания» или «закрытия» могильной ямы. Такой обряд довольно отчетливо прослеживается в погр. № 90, где, несмотря на присутствие в могиле гроба-рамы, она была дополнительно перекрыта поперечно уложенными досками.

Нельзя оставить без внимания вопросы хронологии и этнической принадлежности погребений, содержащих подобные деревянные сооружения. Так, могильные ямы с заплечиками и с уложенными на них деревянными плахами повсеместно встречаются на болгарских могильниках салтовской культуры Подонья. В

Крыму появление у болгарского населения могил с заплечиками рассматривается как факт влияния местного населения на болгарский погребальный обряд [Баранов 1990, 126]. В Поволжье в могильных ямах с заплечиками некоторые исследователи пытались увидеть угорское влияние на праболгар [Генинг, Халиков 1964 12], тогда как другие ученые, наоборот, считают могильные ямы с заплечиками чертой истинно болгарского погребального обряда [Плетнева 1967, 98]. Применение заплечиков связано с развитием и изменением приемов строительства жилища, которые копировали при создании деревянных сооружений, а не несло в себе этнические отличия [Грачева 1972, 38—51; Пелих 1966, 194]. К такому же выводу пришла и Е. А. Халикова, которая при сравнении тюркского и болгарского погребальных обрядов не выявила тяготения этого вида погребального сооружения ни к одной из этих этнических групп [Халикова 1981, 78].

Так же как и заплечики в могильной яме, другие типы деревянных сооружений, по-видимому, не могут выступать этническим признаком. Все вышеописанные типы гробов имеют широкие аналогии в древностях VIII—X вв. Находки гробов-рам зафиксированы в Волоконовском могильнике [Николаенко, Плетнева 1976, 293], на территории Болгарии в могильнике Девня-2, где они отмечены в погребениях болгарского населения, принявшего христианство [Димитров 1974, 80, рис. 29]. Нередки находки гробов в болгарских могильниках Среднедончья [Красильников 1990, 32].

Еще большее распространение имеют гробы-ящики. Их наличие отмечено на болгарских могильниках Поволжья [Генинг, Халиков 1964, 10, 80], Подонья [Красильников 1990, 32; Артамонова 1963, 39], в Крыму [Баранов 1990, 121, 127], в могильниках Дунайской Болгарии [Димитров 1974, 81, рис. 8].

Ареал находок гробов-колод значительно уже и ограничен салтовскими древностями верховий и среднего течения р. Северский Донец [Николаенко, Плетнева 1976, 290; Красильников 1990, 32].

Многие исследователи считают наличие или отсутствие на болгарских могильниках салтовской культуры деревянных конструкций в виде гробов хронологическим признаком [Плетнева 1981, 11]. Исследователи указывают и на нехарактерность гробов-рам и гробов-колод для праболгарских памятников VIII—IX вв. и склонны считать их появление в погребениях Подонья следствием влияния извне в поздний период их истории — в конце IX — начале X вв. [Красильников, 1990 32; Николаенко, Плетнева 1976, 293]. Очевидно праболгары начали делать гробы-ящики в конце IX в., гробы-рамы, представляющие самый ранний тип гроба, — в первой половине — середине IX в. Гробы-колоды относятся к самому позднему периоду существования салтово-маяцкой культуры — к X в. [Николаенко, Плетнева, 1976, 294].

Материалы могильника Красная Горка не подтверждают данные предположения. По погребальному инвентарю могильник Красная Горка датируется рубежом VIII—IX вв. — серединой IX в. [Аксенов, Михеев 1998, 353; Аксьонов 1999, 116—123].

Все виды деревянных сооружений, открытые на Красногорском некрополе, кроме гробов-колод, представлены в захоронениях могильника Червоная Гусаровка (Балаклейский р-н Харьковской обл.) [Михеев 1994]. Примерно в половине вскрытых на могильнике захоронений удалось проследить остатки деревянных конструкций. К сожалению, из-за плохой сохранности дерева при незначительной глубине захоронений установить конструктивные особенности большинства сооружений не представляется возможным.

Однако можно утверждать, что ведущей формой деревянных конструкций на данном кладбище являются гробы-рамы (рис. 3, 3—6). Как и в захоронениях кладбища Красная Горка, червоногусаровские гробы-рамы представляли собой деревянную обшивку земляных стенок могильных ям (рис. 3, 4) или обшивку углубления для тела погребенного (рис. 3, 5, 6). Хотя в некоторых случаях гробы-рамы представляли собой конструкции, помещенные в достаточно просторные могильные ямы (рис. 3, 3). Крышками гробов-рам в захоронениях кладбища могли быть как 1-2 продольно уложенные плахи или доски, так и короткие доски, уложенные поперечно домовинам. В последнем случае количество поперечно уложенных досок могло составлять 9—15 штук. При этом они могли перекрывать или только гроб-раму, или все пространство могильной ямы над углублением с телом человека, помещенным в гроб-раму (рис. 3, 7). В последнем случае крышка такого гроба-рамы близка по своему назначению к простому перекрытию могильной ямы, уложенному на земляные заплечики (рис. 3, 2).

Могил с заплечиками на кладбище Червоная Гусаровка немного. Заплечики в погребениях некрополя могли делаться как вдоль длинных стенок могильных ям (рис. 3, 7), так и по всему их периметру (рис. 3, 2). Однако во всех случаях перекрытием таких могильных ям служили поперечно уложенные деревянные доски или плахи.

Лишь в единичных захоронениях были зафиксированы гробы-ящики (рис. 3, 1), которые по своим конструктивным особенностям ничем не отличались от гробов-ящиков кладбища Красная Горка. Они в большинстве случаев соответствовали размерам могильных ям, которые зачастую незначительно превышали размеры тела погребенного в ней человека.

Во всех случаях, когда погребенного сопровождал сосуд, последний помещался слева или справа от головы человека, иногда за его головой, но обязательно внутри установленной внутри могильной ямы деревянной конструкции. В редких случаях, это касается в основном стеклянных бокалов, они располагались у кисти правой руки погребенных [Аксёнов, Михеев 2000, рис. 1].

Как показали исследования А. И. Семенова, для изготовления деревянных конструкций всех видов население, оставившее кладбище Червоная Гусаровка, также использовало только дуб.

Погребальный инвентарь, представленный в захоронениях кладбища Червоная Гусаровка, наличие крымских керамических кувшинов, ойнохой, кружек, стеклянных бокалов и сосуда в виде колбы [Аксёнов, Михеев 1998, рис. 2; Аксёнов, Михеев 2000], при достаточно большом проценте лепной керамики кочевнического типа [Михеев 1994, рис. 1] и относительно небольшом количестве собственно салтовских сосудов позволили датировать данный некрополь второй половиной VIII — началом IX вв.

Таким образом, как показывают материалы грунтовых некрополей Красная Горка и Червоная Гусаровка, деревянные конструкции не могут служить хронологическим репером для салтово-маяцких древностей Подонья. Вероятно, такие деревянные конструкции, как гробы-рамы и гробы-ящики, не были заимствованы праболгарами у какого-то другого населения в IX в., а появились у них после прихода в данный регион, богатый лесом, и получили дальнейшее развитие с переходом их к оседлости. Захоронение же в гробах-колодах является, по-видимому, у данного населения пережитком древнейшего вида захоронения на дереве или в дереве, существовавшим у тюркоязычных народов с глубокой древности

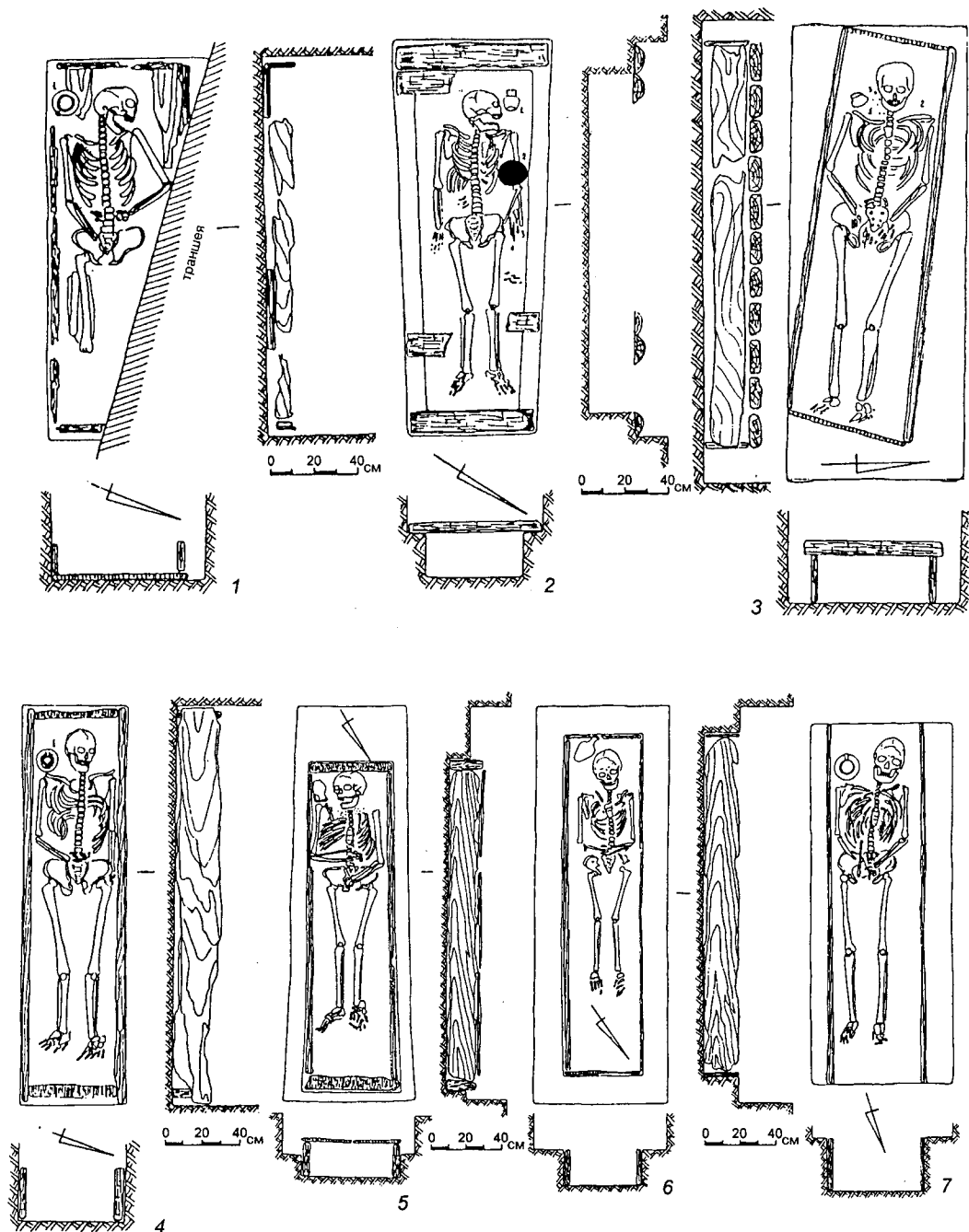

Рис. 3. Захоронения могильника Червоная Гусаровка: 1 — погр. № 39, 2 — погр. № 36, 3 — погр. № 107, 4 — погр. № 42, 5 — погр. № 108, 6 — погр. № 6, 7 — погр. № 26.

и до конца XIX в. Все виды деревянных конструкций являются следствием саморазвития погребальной традиции праболгарского населения. Причин, по которым отдавалось предпочтение тому или иному виду деревянной конструкции при захоронении, возможно, было несколько: мировоззренческие, принадлежность покойника к определенной возрастной (дети — взрослые) и социально-экономической группам.

Литература

Аксёнов В. С. Поховання з конем другої половини VIII—IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників): Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1999.

Аксёнов В. С., Михеев В. К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Культуры Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 344—357.

Аксёнов В. С., Михеев В. К. Скляний посуд з поховань салтівського могильника Червона Гусарівка на Харківщині // Археологія. 2000. № 4. С. 55—58.

Антропова В. В. Представления коряков о рождении, болезни и смерти // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX вв.). Л., 1976. С. 254—268.

Анучин Д. Н. Сани, лады и кони, как принадлежность похоронного обряда // Тр. Императорского Московского археологического общества. 1880. Т. 14. С. 81—226.

Артамонова О. А. Могильник Саркела — Белой Вежи // МИА. 1963. № 109. С. 9—215.

Баранов И. А. Таврика в эпоху средневековья. Киев, 1990.

Вышеславцев А. Похоронные и поминальные обычаи некрещенных чуваш Симбирской губернии во второй половине XVIII в. // Изв. императорского Русского географического общества. 1889. Т. XX, вып. 3. С. 274—279.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964.

Грачева Г. Н. Народные названия, связанные с погребениями и погребальными сооружениями (по материалам Западной Сибири) // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 38—51.

Димитров Д. И. Погребальный обряд при раннеболгарските некрополи във Варненско // ИАИ. 1974. Т. 34. С. 51—92.

Долгих Б. О. О похоронном обряде кетов // СА. 1961. № 3. С. 102—112.

Каховский В. Б. Дохристианский погребальный обряд чувашей как материал к этногенезу // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С. 121—139.

Красильников К. И. О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднедонычья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 28—44.

Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 45—52.

Михеев В. К. Новый ґрунтовый могильник салтовской культуры в с. Червоная Гусаровка // Древности 1994: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1994. С. 195—196.

Невская Л. Г. Погребальный обряд в Пелясе (структура и терминология) // Балто-славянские языковые контакты. М., 1980. С. 245—254.

Николаенко Г. А., Плетнева С. А. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 4. С. 279—298.

Пелых Г. И. Самодийский тип жилища // Учен. зап. Томского университета. 1966. № 60. С. 94—107.

Петрухин В. Я. О функциях космогонических описаний в погребальном культе // Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979. С. 3—16.

Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.

Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска — Преслав. София, 1981. Т. 2. С. 9—19.

Савельева Э. А. Идеологические представления древних коми по данным погребального обряда // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 80—92.

Седакова О. А. Метафорическая лексика погребального обряда. Материалы к словарю // Славянское и балканское языкознание. М., 1983. С. 204—219.

Традиционные мировоззрения тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1987.

Флеров В. С. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1989. С. 117—126.

Халикова Е. А. К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе // Плиска — Преслав. София, 1981. Т. 2. С. 72—81.

Харузин В. Н. К вопросу о почитании огня // ЭО. 1906. № 3—4. С. 68—205.

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-али Ахмеда Бен Омара Ибн-Дафта. СПб., 1889.

